

Алексей Орлов



История
одной семьи



Алексей Орлов

*История
одной семьи*

БОСТОН · 2025 · ЧИКАГО

Алексей Орлов
ИСТОРИЯ ОДНОЙ СЕМЬИ

Copyright © 2025 by Alexei Orlov

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or transmitted in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by an information storage and retrieval system without permission in writing from the copyright holder.

ISBN 978-1-960533-96-8 (Softcover)

ISBN 978-1-960533-95-1 (Hardcover)

Edited by Alexander Matlin
Proofreading by Yulia Grushko
Book Design and Layout by Bagriy & Company
Book Cover Design by Larisa Studinskaya

Фотографии в книге — из архива автора

Published by M•GRAPHICS | BOSTON, MA

 mgraphics.books@gmail.com

 www.mgraphics-books.com

Printed in the USA

*Сыну Пете,
дочери Маше,
племяннице Юле*

Содержание

<i>Необходимое предисловие</i>	9
Лондон, май 1907 года, V съезд РСДРП	10
От пионера-комсомольца до внутреннего иммигранта	11
<i>Александра Орлова</i> . Мой отец — Шнеерсон: каким он был, что сделал и что мог бы ещё.....	27
Евгения Степановна Радченко — верная подруга моего деда	44
Сарра Шнеерсон: выживание в стране ГУЛАГа	53
Короткая жизнь Георгия Орлова	71
«Безродный космополит» Александра Орлова	83
Две жизни Марии Шнеерсон	96
Мой брат Миша	113
<i>Вениамин Смехов</i> . «Абсолютли, Позитивли, Йес!»	124
Типичная семья безжалостной эпохи	132
<i>Библиография</i>	140

Необходимое предисловие

На обложке и титульном листе стоит моё имя, но я — не единственный автор книги. Я не смог бы её создать без участия Александры Орловой, моей мамы, музыковеда, и её сестры Марии Шнеерсон, литературоведа, которую считаю второй матерью. Мама и тётя сохранили в памяти то, что невозможно обнаружить в «гуглах» и «википедиях». Да и, будучи людьми доинтернетного поколения, они полагались только на свою память. Время от времени они откладывали в сторону свои профессиональные работы — мама о жизни композиторов, тётя об анализе языка писателей — и принимались за вспоминание о родителях, о близких им людях, о друзьях, о времени, в котором жили. Выбирая для этой книги что-то из сотен написанных ими страниц, я счёл нужным сохранить в неприкосновенности оригинал, рискуя, конечно, пропустить возможную неточность. И если есть в книге неточности — фактические ошибки, они на моей совести.

Лондон, май 1907 года, V съезд РСДРП

«**Е**рёма, Ерёма, сидел бы ты дома», — сказал представитель большевистской фракции Верхне-Камской делегации Ленин (Ульянов) В.И. в мае 1907 года в Лондоне на Пятом съезде Российской социал-демократической рабочей партии. Он сказал это представителю меньшевистской фракции Екатеринославской делегации Шнеерсону А. А.

Спустя тридцать лет, 9 октября 1937 года, Военная коллегия Верховного суда СССР признала Шнеерсона Н. А. виновным в террористической деятельности и приговорила к ВМН — высшей мере наказания. В тот же день приговор был приведён в исполнение — выстрелом в затылок.

Анатолий (Натан) Александрович Шнеерсон — мой дед по материнской линии.

От пионера-комсомольца до внутреннего иммигранта

В жизни каждого человека есть даты, не забываемые им даже в преклонном возрасте. Я имею в виду не только семейные даты — такие как свадьбы, рождение детей и внуков, смерть родных и тому подобное. Каждый, кто покидал Советский Союз в 70-е и 80-е годы, помнит день разлуки с близкими родственниками и друзьями. Мы — я с женой и 7-летним сыном — улетали из ленинградского аэропорта Пулково 15 декабря 1976 года.

Двадцатью годами ранее в моей жизни была дата, с которой я начинаю отсчёт своей трансформации — из человека, любящего страну, где родился, в питающего к ней полное неприятие.

В воскресенье, 18 апреля 1956 года, я и мой брат-близнец Миша смотрели по телевизору футбол в квартире своего одноклассника. В нашей семье телевизора не было. Школьный товарищ Олег и его отец охотно соглашались болеть за питерский «Зенит» вместе с братьями Орловыми. Но в тот день мы смотрели футбол без хозяина. «У него партийное собрание», — сказала мама Олега.

Три футбольных часа пролетели быстро. Мы с братом уже поднялись идти домой, но как раз в это время открылась дверь, и вошёл хозяин квартиры. «Вы спешите?» — спросил он меня и брата. Мы не то чтобы спешили, но завтра был понедельник, школьная учёба, а время у нас, десятиклассников, было горячим — подготовка к приближающимся экзаменам на аттестат зрелости. Мы с братом замялись с ответом. «Я вас задержу ненадолго», — сказал отец.

Хорошо помню его первые слова: «Многое о Сталине — неправда». Он замолчал, а через несколько секунд выдавил из себя: «Сталин убил миллионы...» Он попросил у жены водку, выпил и — заплакал. Затем встал, подошёл к шкафу, снял с вешалки военный китель — без погон, с орденскими колодками и, надев его, сел и приступил к рассказу об услышанном на партсобрании. Там зачитывали «секретный» доклад Хрущёва на XX съезде Коммунистической партии — о культе личности Сталина...

Он рассказывал и рассказывал, но увидел, что мы с братом поглядываем на часы... «Да, да, ребята, вам пора... Не расстраивайте на ночь родителей... Расскажите им завтра». «Родители» вырвалось у него случайно. Он знал, что у нас нет отца и дом наш женский: наша мама, её сестра и их мама, наша бабушка.

Дома мы застали взволнованных «родителей». «Что случилось? Где вы пропадали?» — возмущалась мама, отвергая оправдание, что там, где мы были, нет телефона: «Говорили, идёте на футбол. Футбол давно закончился!» Успокоившись, спросила: «Кушать будете?» Из прихожей мы прошли на кухню. «Есть, о чём рас-

сказать», — сказал брат. И мы, как могли, пересказали услышанное от отца своего одноклассника. Мама слушала с каменным лицом. «Оставайтесь здесь!» — приказала она и отправилась в комнату сестры и матери, которые, наверное, уже готовились ко сну.

Через несколько минут на кухню пришли все женщины нашей квартиры. Они вошли молча, расселись. «Выслушайте Силеньку», — сказала мне и брату тётя, назвав нашу бабушку так, как я и Миша называли её в далёкие детские годы, когда не могли выговорить букву «р». Бабушку Сарру мы называли Силей, Силенькой, Силюком, и с годами это имя закрепилось за ней во всей семье.

Сия — Сарра Абрамовна Шнеерсон — начала рассказ. Тётя неслышно плакала. Мама держала голову руками. Мне и брату — почти 18-летним — раскрывалось страшное прошлое семьи. Дед арестован и бесследно исчез. Второй бабушкин муж — арест и ссылка, второй арест и ссылка, третий арест и смерть в лагере. Бабушкина сестра Лида — арест и ссылка. Аресты и ссылки родных, друзей, знакомых, постоянные обыски, ежедневный страх...

Мы с братом пошли в школу, не выспавшись. Услышанное от бабушки Сили не обсуждали. Удивлялись, конечно, почему это от нас скрывали. Понимание, почему скрывали, пришло позднее.

Я и брат-близнец Миша росли обычными советскими школьниками: в начальных классах — пионерами, в старших — комсомольцами.

В пионеры нас принимали 21 января 1949 года — в 25-ю годовщину смерти Ленина. Принимали в историческом месте — квартире, в которой жил в революционные годы питерский рабочий Сергей Аллилуев. Весной 1917 года здесь жил Сталин, бежавший из туруханской ссылки. В июле 1917 года здесь скрывался от Временного правительства Ленин. Об этом нам — мальчишкам-третьеклассникам 167-й средней мужской школы Смольнинского района Ленинграда — рассказывал работник музея-квартиры. Он не рассказал, конечно, что вместе с Лениным скрывался в этой квартире и Зиновьев. Нам повязали красные галстуки, и недавний рассказчик обратился к новоиспечённым пионерам: «Юные ленинцы, к борьбе за дело Ленина-Сталина будьте готовы!» — «Всегда готовы!» — ответили мы дружно.

День был морозный, но, выйдя на улицу, мы не застегнули свои жалкие пальтишки. Шли нараспашку — чтобы все видели красные галстуки. О возможной простуде не задумывались. Да и путь от квартиры Аллилуева на 10-й Советской (10-й Рождественской в 1917 году) до школы был недолгим. Домой мы с братом пришли гордые своим пионерством.

Позже на пионерских сборах я декламировал стихи комсомольского поэта Александра Жарова:

И в Пекине выросла трибуна.
С высоты её в дни торжества
Слышались в устах Мао Цзедуна
Сталинские мудрые слова...

В пионерском лагере мы хором пели:

Простор голубой,
Земля за кормой,
Гордо реет на мачте
 флаг отчизны родной!
Вперёд мы идём
И с пути не свернём,
Потому что мы Сталина имя
 в сердцах своих несём!

Нас принимали в комсомол восьмиклассниками — в феврале 1954 года. Классная руководительница, математичка и по совместительству секретарь партийной организации всей школы, попросила четырёх отличников нашего класса, в их числе меня и брата, остаться после уроков. «Вы удостоились большой чести, — сказала она. — Партийная организация приняла решение рекомендовать вас в члены Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодёжи. Не сомневаюсь, вы оправдаете доверие».

Домой Миша и я летели как на крыльях. Не могли дожждаться поздравлений мамы, тёти и бабушки. И они поздравили. Правда, мама спросила: «Комсомол не помешает учёбе?» Через несколько дней в Смольнинском райкоме ВЛКСМ нам вручили комсомольские билеты.

Мы с братом оправдали доверие. Когда в сентябре 1955 года начались занятия в 10-м — выпускном — классе, Мишу назначили председателем учкома — комитета учеников школы, меня — в комсомольское бюро школы. Впереди были последний школьный год, затем поступление в институты и начало — в сентябре 1956 года — студенческой жизни. Всё произошло имен-

но так. Но день 18 апреля 1956 года внёс в мою и брата жизнь существенную коррективу — заставил начать воспринимать критически всё увиденное и услышанное. Корректива произошла, конечно, не только в моей и брата жизни. Речь может — должна — идти о сотнях тысячах, не исключено, о миллионах, а возможно, о целом поколении родившихся в предвоенные 30-е и вошедших во взрослую жизнь во второй половине 50-х.

Через несколько дней после 18 апреля (точную дату не помню) Смольнинский райком ВЛКСМ проводил собрание комсомольского актива в кинотеатре «Призыв». Все места вместительного зрительного зала были заняты. Школьники затерялись среди взрослых — комсомольцев ближе к тридцати годам. Собрание открыл секретарь райкома, сказавший примерно следующее: «Большинство из вас знает по чьим-то рассказам о докладе товарища Хрущёва на двадцатом съезде. Партия считает, что не должно быть места слухам. Мы собрали вас, чтобы познакомить с докладом товарища Хрущёва». Секретарь райкома уступил на трибуне место мужчине некомсомольского возраста и сел рядом.

Чтение продолжалось не менее полутора часов. Это было неполное (о чём, конечно, никто из слушателей знать не мог) изложение «секретного» доклада. Зал сидел молча, не шелохнувшись. Такой тишины при большом скоплении людей я никогда в жизни не слышал.

Читавший сошёл с трибуны, секретарь райкома поднялся и... И случившееся до сих пор стоит перед моими глазами — будто было вчера. Несколько человек — не больше десяти — направились к сцене из разных мест обширного зала. Они поднялись на сцену и броси-

ли на стол свои комсомольские билеты. Один из них — мужчина — прежде, чем бросить, показал комсомольский билет залу — чтобы никто не сомневался, с чем он расстаётся.

Разумеется, не по своей инициативе Смольнинский райком комсомола читал доклад Хрущёва комсомольским активистам. Вне всякого сомнения, этот доклад зачитывали комсомольским активистам в других районах Ленинграда. И, следует предположить — с достаточной долей уверенности, — зачитывали в других городах. Наверное, и в других районах-городах могло произойти то же, что и на собрании комсомольского актива Смольнинского района Ленинграда: публичное расставание с ВЛКСМ нескольких активистов. Это были единицы. Мы с братом оставались комсомольцами. Но 1956 год ещё не закончился.

В августовской книжке журнала «Новый мир» началась публикация романа Владимира Дудинцева «Не хлебом единым». Наша семья регулярно читала этот журнал. Первой всегда читала бабушка. За столом обсуждалось читаемое и уже прочитанное. Случалось, бабушка спрашивала: «А мальчики читали?» Спрашивала она у дочерей, хотя «мальчики» сидели рядом. Мы с братом начали читать «Новый мир» в старших классах.

Многие историки считали — и считают по сей день — отправной точкой недолгого периода «хрущёвской оттепели» — послаблений в цензуре — доклад Хрущёва на XX съезде. Но ещё до съезда в «Новом мире» печатались очерки Валентина Овечкина «Районные будни» об ужасающем положении колхозного крестьянства. Эти публикации не привлекли внимания

властей. А вот роман Дудинцева привлёк. Не кто иной, как творец «оттепели», объявил: «Автор... умышленно сгущает краски, злорадствует по поводу недостатков. Такой подход к изображению действительности... есть не что иное, как стремление показать её в извращённом виде...»

Сегодня роман Дудинцева может заинтересовать разве что только историков советской литературы. И уровень, мягко говоря, средний. Да и в годы, последующие за публикацией, вышли сотни книг о советской системе, которым роман Дудинцева безусловно проигрывает. Но в 1956 году роман стал литературной — и политической — сенсацией. А год ещё не закончился.

В ноябре Венгрия восстала против коммунистического режима. Восстание было жестоко подавлено советскими войсками. Будучи заядлыми болельщиками, мы с братом следили за венгерскими событиями через спортивную призму — летние Олимпийские игры, проходившие в Мельбурне (Австралия) в конце ноября — начале декабря. Десятки венгерских спортсменов попросили политического убежища в Австралии. Матч ватерполистов Советского Союза и Венгрии был не доигран из-за драки соперников. Футбольная команда «Гонвед» (Будапешт), цвета которой защищал Ференц Пушкаш, один из лучших футболистов мира, отказалась возвращаться в свою страну. Венгерские события обсуждались в студенческой среде.

Став студентами, я и брат — мы учились в разных вузах — оставались комсомольцами, платили ежемесячные взносы, но с активностью было покончено, потому что наши взгляды коренным образом изменились. На

это повлияла литература — как открытая — это были главным образом публикации в «Новом мире», так и закрытая — свободная от цензуры — напечатанная на пишущей машинке. Это называлось «самиздат». Тексты попадали в наши руки обычно на один день (точнее, на одну ночь): прочитай и верни. Копии с пишмашинки часто были с трудом читаемы. Мы с братом мучились над копией — переведённой с английского книги Милована Джиласа «Новый класс» — о правящем классе в социалистических странах — привилегированной партийной верхушке. Примерно в то же время нам повезло получить на одну ночь изданную в Западной Германии на русском языке книгу Абдурахмана Авторханова «Технология власти» — во многом созвучную книге Джиласа. И на моё отношение к стране также оказывали влияние — не могли не оказывать — геологические экспедиции.

Экспедиции открыли мне, студенту кафедры геоморфологии Географического факультета Ленинградского университета, глаза на нечто совершенно не похожее на Ленинград. Я получил возможность познакомиться с нестоличной жизнью.

Два летних месяца 1959 года я работал — как говорили, кормил комаров — на Кольском полуострове. Работягами были бывшие зеки, оставшиеся в этих местах после освобождения. Некоторые из них помнили, как в послевоенные годы грузили в американские суда американскую технику, полученную по ленд-лизу и возвращаемую Соединённым Штатам, как предписывал договор. Гигантские прессы превращали грузовики-«студебеккеры» в лепёшку и погружали в трюмы. СССР

вернул не всё, что следовало вернуть. Я видел в 60-е годы «студебеккеры» на просёлочных дорогах и лежнёвках Вологодской и Ленинградской областей, Карельской АССР.

Учебный год начинался на Географическом факультете, как и во всей стране, 1 сентября, и студентов сразу отправляли «на картошку» — помогать совхозам и колхозам. Студенты-геоморфологи были исключением, поскольку возвращались из экспедиций в конце сентября — начале октября, некоторые ещё позже — из-за нелётной погоды на Чукотке или Камчатке. Когда все уже были в сборе, устраивали посиделки и делились увиденным. В 1961 году мы — студенты выпускного, пятого курса — обсуждали только что завершившийся в Москве очередной партийный съезд, на котором Хрущёв объявил, что к 1980 году в СССР будет построен коммунизм: экономический уровень достигнет уровня капиталистических стран, наша страна выйдет на первое место в мире на душу населения по производству необходимых вещей, жизненный уровень народа станет самым высоким в мире.

Каждый из студентов-геоморфологов — подчёркиваю: каждый — говорил, что в тех местах, где работал летом, заявленное Хрущёвым неосуществимо. Лично я работал на востоке Ленинградской области. База геологической партии находилась в посёлке Вознесенье на берегу Онежского озера у истока реки Свирь. В озерно-речной порт доставляли ленинградские газеты — с опозданием на два-три дня. В одном номере «Ленинградской правды» видное место занимал репортаж об электрификации какой-то деревни, и говорилось,

что отныне в области не осталось ни одного места без электричества. На самом деле, в краях, где работала наша геологическая партия, электричество было только в Вознесенье... В этих же краях — восток Ленинградской области, запад Вологодской, южная Карелия — рабочие маршруты приводили, бывало, к гниющим баракам существовавших здесь сравнительно недавно концлагерей. По сей день холодят душу рассказы местных жителей о женских концлагерях...

Ко времени окончания Географического факультета — июнь 1962 года — я уже понял, что советское общество основано на тотальной лжи. И я не отличался от большинства сокурсников. Мы начинали трудовую жизнь дипломированными специалистами, осознавшими порочность советского режима. Мы вступили в 60-е годы антисоветчиками, если называть вещи своими именами. В бесконечных разговорах — а языки наши были развязаны, спасибо «оттепели», — мы пришли к однозначному выводу: семена сомнений в системе были посеяны XX съездом КПСС.

Десятилетия спустя, в нулевые годы XXI века, наше поколение стали называть — с лёгкой руки Василия Аксёнова — «шестидесятниками». Своё последнее произведение «Таинственная страсть» он назвал «Романом о шестидесятниках». Герои романа — скрытые под псевдонимами, но легко узнаваемые — поэты, писатели, художники, будто бы только в 60-е годы осознали, в какой стране они живут и творят. Я подчёркиваю: будто бы...

Вероятно, какие-то герои романа действительно осознали только в 60-е. Но Эрнст Неизвестный (в ро-

мане Генри Известнов) и Булат Окуджава (Кукуш Октава) вступили в 60-е созревшими противниками режима. За плечами того и другого было участие в войне с Германией. Неизвестный — сужу по разговорам с ним в Нью-Йорке — распознал суть советской системы ещё до XX съезда. «Доклад Хрущёва подтвердил моё отношение к режиму», — говорил Неизвестный (цитирую по памяти)... У Окуджавы в 1937 году был арестован и расстрелян отец; в 1938-м арестовали мать. Трудно даже предположить, что он не сомневался в режиме до 60-х годов... Иосиф Бродский (Яков Процкий) в 1955 году перестал учиться в школе 15-летним, осознав уже в этом возрасте, что цель школы не учить, а создавать послушных граждан. Будущий лауреат Нобелевской премии никак не укладывается в придуманное Аксёновым поколение «шестидесятников». Впрочем, и сам Аксёнов не укладывается.

В 1937 году родители Аксёнова были арестованы и приговорены к десятилетнему сроку, пятилетнего Васю определили в детский дом для детей «врагов народа». Там его нашёл брат отца и взял к себе. В 1947-м мать освободили из концлагеря, приговорили к ссылке в Магадане, и она сумела добиться, чтобы сыну разрешили приехать к ней. Возможно, Аксёнов не стал антисоветчиком ко времени поступления в 1951 году в Медицинский институт в Ленинграде. Заканчивал он институт в знаковый 1956-й, и если по той или иной причине ещё не созрел, что маловероятно, то должен был созреть, столкнувшись, как врач, с российской глубиной. Повесть «Коллеги», написанная в 1959 году, принёсшая Аксёнову известность и позволившая начать

зарабатывать литературным трудом, сочинялась — частично — в посёлке Вознесенье, что на берегу Онежского озера.

Назвав «шестидесятниками» поколение, которому открыл глаза XX съезд коммунистов, Аксёнов воспользовался существовавшим термином. Так называли — и называют — поколение россиян 60-х годов XIX века. С этого поколения началось революционное движение в царской России. Брожение умов в Советском Союзе началось не в 60-е годы, а в середине 50-х годов. Назвать это поколение пятидесятниками Аксёнов, разумеется, не мог, поскольку так называют христиан-евангелистов — одно из направлений протестантизма. Аксёнов не ошибся бы, если бы назвал это поколение «маяковцами» — в честь первых диссидентов, заявивших о себе в Москве выступлениями у памятника Владимиру Маяковскому. Памятник был установлен в 1958 году, и, начиная с весны следующего года, здесь выступали — обычно со стихами, но не всегда — молодые люди, взгляды которых противоречили общепринятым — советским. Властям не составило труда разобраться в этом, собрания у памятника стали разгонять. Некоторые из первых выступавших у «Маяка» — в частности Александр Гинзбург, Владимир Буковский, Эдуард Кузнецов — прошли в последующие годы через тюрьмы, концлагеря, психбольницы...

Мы с братом политически взрослели — набирались ума, как и все «дети XX съезда». Были ли диссидентами? Мы были инакомыслящими. Диссидентами мы не были. Я считаю диссидентами только тех, кто активно противостояли власти. Создавали и распространяли

рукописные журналы, писали и подписывали обращения к властям с требованием «соблюдать Конституцию», выходили с протестами на улицы. Они подвергались арестам, судебным преследованиям с тюремными и лагерными сроками, заключению в психбольницы.

Когда в конце 50-х начались «самиздат» и «тамиздат» — и такая литература в нашей семье всегда присутствовала, баба Силя созвала семейное собрание, но выступала не она, а её старшая дочь. «Вы знаете историю нашей семьи, — сказала она мне и Мише. — Мы пережили многое и не хотим снова переживать потери. Я прошу вас от имени Силюка и Муси, — она показала на свою маму и сестру, — никогда не делать того, что даст мрази повод нанести удар по нашей семье».

Мама замолчала. Женщины сидели молча и смотрели на меня и Мишу. Мы ничего не сказали. Мы ничего не обещали. Но мы выполнили просьбу. Мы созревали — как и многие наши друзья-единомышленники — молча, диссидентами не были. Конечно, если бы на дворе стоял 37-й год или конец 40-х, то никого не уберегло бы от преследований и молчаливое инакомыслие.

Однажды я нарушил идеологически-политический мир в семье. Случилось это в 1965 году, когда решил сменить геологию на журналистику. Писать спортивные заметки я начал студентом Географического факультета, продолжал пописывать, когда позволяла работа геолога и когда учился на заочном отделении факультета журналистики Ленинградского университета. Мама поддерживала моё увлечение, но как только я объявил о намерении перейти в журналистику, выступила против и нашла союзниц в лице своей мамы

и сестры. Сознавая, что им меня не переубедить, они вызвали из Москвы Любочку, как называли писательницу Любовь Кабо — дочь двоюродной сестры бабушки. В прошлом школьная учительница, она часто публиковала в газете «Известия» статьи на школьные темы. По её сценарию был снят фильм «Мимо окон идут поезда» — о молодой москвичке, учительнице литературы, оказавшейся после института в школе сибирского городка.

Похвалив меня за умение совмещать работу с хобби, Любовь Рафиловна сказала (цитирую по памяти): «Алексей, я прекрасно знаю, чем живёшь ты и Миша, и поэтому не сомневаюсь, что в журналистике почувствуешь себя неуютно. Одно дело — быть внештатным автором. Другое — быть штатным и жить по правилам, которые ты не приемлешь. Я знаю, о чём говорю». В последствие я не раз вспоминал эти слова и отдавал должное Любочкиной пронизательности.

Собрание было долгим. Только Миша поддержал меня. Закончился разговор моим обещанием писать только о спорте, обещание это я неоднократно нарушал. С Кабо встречался, когда бывал — как журналист — в Москве, но мы никогда не вспоминали встречу на кухне в старой ленинградской квартире...

Братья Орловы окончательно созрели в августе 1968 года. Вторжение советских войск в Чехословакию убелило нас в том, что социалистический режим в Советском Союзе мало отличается от национал-социалистического в гитлеровской Германии — тот и другой маршировали под красными флагами и пели одни и те же песни.

В начале 70-х перед советскими евреями открылась форточка — возможность распрощаться со страной «победившего социализма». Отъезды знакомых широко обсуждались. «Мальчики должны уехать», — говорила баба Силя своим дочерям.

Мы выполнили её совет. Я со своей семьёй уехал в 1976 году. Миша со своей и с мамой и тётёй — в 1978 году. Баба Силя скончалась раньше наших отъездов. Она пережила на тридцать шесть лет первого мужа, убитого в подвалах Лубянки, и на тридцать лет второго мужа, умершего в Красноярском крае на одном из островов архипелага ГУЛАГ.

Об авторе

Выпускник географического факультета и факультета журналистики Ленинградского университета Алексей Орлов работал в Союзе геологом и журналистом. Первая работа в Америке — уборщик в ночную смену в нью-йоркском аэропорту Ла-Гуардия, затем — разно-рабочий в госпитале и водитель такси. Был в числе создателей газеты «Новый американец», более двадцати лет возглавлял отдел информации в ежедневной газете «Новое русское слово», которой уже не существует. Ныне — постоянный автор еженедельников «Панорама» (Лос-Анджелес) и «Филадельфия», ведущий ток-шоу «Моя Америка» на русскоязычных радиостанциях Нью-Йорка и Чикаго. В США вышли книги Орлова «Тень проклятия Текумсе над Белым домом» (2020), «Чёрные рабовладельцы и другие американские истории» (2021), «Из России к свободе (2022)», «История без искажений. Очерки о Гражданской войне (2023)», «Разделённые океанами. Очерки по истории американско-российских отношений» (2024).



Выпускник географического факультета и факультета журналистики Ленинградского университета Алексей Орлов работал в Союзе геологом и журналистом. Первая работа в Америке — уборщик в ночную смену в нью-йоркском аэропорту Ла-Гардия, затем — разнорабочий в госпитале и водитель такси. Был в числе создателей газеты «Новый американец», более двадцати лет возглавлял отдел информации в ежедневной газете «Новое русское слово», которой уже не существует. Ныне — постоянный автор еженедельников «Панорама» (Лос-Анджелес) и «Филадельфия», ведущий ток-шоу «Моя Америка» на русскоязычных радиостанциях Нью-Йорка и Чикаго. В США вышли книги Орлова «Тень проклятия Текумсе над Белым домом» (2020), «Чёрные рабовладельцы и другие американские истории» (2021), «Из России к свободе (2022)», «История без искажений (2023)», «Разделённые океанами» (2024).

Алексей Орлов, автор популярных книг об Америке и истории американско-русских отношений, в новой книге обратился к истории своей семьи — «типичной», по его словам, «семьи кровавой эпохи». Миллионы семей попали в двадцатом веке под жернова «Красного колеса», как назвал Александр Солженицын события прошедшего столетия.

Принимаясь за работу, Орлов задавал себе вопрос: сможет ли кого-либо, кроме родных и друзей, серьезно заинтересовать история его семьи? Мы уверены, что каждый, кто прочитает книгу, даст утвердительный ответ на этот вопрос.



ISBN 978-1-960533-96-8



9 781960 533968